

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии:
по материалам международной конференции «Диалог 2016»

Москва, 1–4 июня 2016

ВИД РУССКОГО ГЛАГОЛА: ЖЕСТИКУЛЯЦИОННЫЙ ПРОФИЛЬ

Гришина Е. А. (rudi2007@yandex.ru)

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Москва, Россия

В статье на материале Мультимедийного русского корпуса (МУРКО) рассматриваются жестикуляционные параметры, которые позволяют различить СВ- и НСВ-глаголы. В качестве таковых выделены параметр длительности жеста, его кратности и его энергетики. Показано, что параметры кратности и энергетики при различении СВ- и НСВ-глаголов имеют производный характер (т. е. они различают СВ- и НСВ глаголы только потому, что хорошо проявляют себя внутри одной из групп и никак не проявляются себя в другой группе). В качестве же единственного параметра, который работает для различения СВ- и НСВ-глаголов, в русской жестикуляции выступает параметр длительности жеста.

Ключевые слова: вид русского глагола, жестикуляция, жест, устная коммуникация, Мультимедийный русский корпус (МУРКО)

RUSSIAN VERBAL ASPECT AND GESTICULATION

Grishina E. A. (rudi2007@yandex.ru)

Vinogradov Institute of Russian Language RAS, Moscow, Russia

In this paper, we use evidence from the Multimodal Russian Corpus (MURCO) to explore gesture properties that enable distinction between perfective and imperfective Russian verbs. The properties identified are duration, repetition, and energy. We show that repetition and energy

differentiate perfective and imperfective verbs because these properties are salient in gestures accompanying one group of verbs but are not manifest in gestures accompanying verbs in the other group. Gesture duration, on the other hand, can be used to identify either aspect.

Key words: Russian verbal aspect, gesticulation, gesture, spoken interaction, Multimodal Russian Corpus (MURCO)

1. Введение

В своей лекции на «Диалоге'2015», прочитанной в качестве приглашенного докладчика, Алан Ченки посетовал на то, что в рамках руководимого им проекта РФ «Взаимодействие вербальных и невербальных средств конструирования событий в разных языках» не удалось обнаружить каких-то специфических жестикуляционных событий, отражающих видовые противопоставления в русском языке. На тот момент (май 2015 г.) автор настоящей статьи в рамках уже своего исследования имел аналогичные — скорее отрицательные, чем положительные — результаты. Эта статья представляет собой попытку поставить некоторые новые «ловушки» на русский вид и попытаться предложить жестикуляционные параметры, которые позволят утверждать, что видовые противопоставления все-таки отражаются в русской жестикуляции.

Замечание. Основанием для оптимистических ожиданий послужила модель У. Крофта [Croft 2012], творчески развитая в работе [Янда 2015]: аспектуальные контуры здесь изображаются разными типами геометрических фигур, сочетающих в себе линии (часть ситуации, находящаяся в фокусе внимания) и точки и расположенных в системе координат, включающих в себя параметры времени и качественного состояния. С нашей точки зрения, лингвистическое явление, которое можно изобразить с помощью геометрической фигуры, не может не найти своего отражения в жестикуляции, хотя бы и в очень общем и трансформированном виде.

1.1. Методика работы

Из Мультимедийного русского корпуса (МУРКО) была отобрана база данных, включающая в себя в общей сложности порядка полутора тысяч жестопотреблений, сопровождающих глагольные формы (личные и инфинитив; причастия в рассмотрение не включались)¹. База данных включает в себя только бесприставочные глаголы, чтобы избежать влияния на результаты

¹ О том, что означает в данном контексте глагол «сопровождать», будет показано несколько позже.

жестикуляционных профилей приставок (см. [Гришина 2013]): глаголы СВ с суффиксом *ану-* (36 жестоупотреблений²), с суффиксом *ну* (443 жестоупотребления³), бессуффиксальные, имеющие только тематическую гласную, типа *бросить*, *решить* и под. (81), глаголы НСВ (в общей сложности 875 жестоупотреблений).

Жесты, сопровождающие глагол, были описаны по ряду параметров. Часть параметров, как и ожидалось, оказалась незначимой (что и давало нам прежде основания утверждать, что русский вид в жестикуляции не отражается⁴), однако обнаружились факторы, которым мы ранее при описании русской жестикуляции не уделяли должного внимания, и вот они показали связь с русским видом, иногда довольно сильную.

1.2. Структура статьи

После описания используемых параметров будут проведены общие противопоставления СВ и НСВ, как обычно, с привлечением статистических данных. Кроме того, будут проведены некоторые разделительные линии уже внутри групп СВ- и НСВ-глаголов соответственно. Статистическим данным будут даны интерпретации.

2. Параметры, используемые для различения СВ vs. НСВ

2.1. Зона действия жеста и его длительность

Зоной действия мы называем ту часть фразы, которая сопровождается данным жестом, начиная с предупредительного удержания (если оно имеется), включая ударную часть жеста и заканчивая постударным удержанием (опять же, если таковое имеется)⁵. Фраза и ее части здесь (и далее) измеряются в фонетических словах⁶. Мы различаем зону жеста в одно фонетическое слово (см.

² К сожалению, этот замечательный класс глаголов относительно редко встречается в МУРКО ввиду довольно низкой доли сниженного регистра речи в корпусе. Но имеющихся примеров оказалось достаточно, чтобы выдвигать некоторые предположения.

³ Далее мы будем позволять себе использовать — пусть и не вполне корректно — термин *семельфактивы* по отношению к СВ-глаголам с суффиксами *-ану-* и *-ну-* в совокупности.

⁴ Незначимые параметры (направление движения по трем декартовым координатам, типы движения головы, большая часть конфигураций ладоней и траекторий, степень напряженности ладони) нами в статье описываться не будут.

⁵ О фазах жеста см. [Kendon 1972, 1980], [Kita et al. 1998], [Bressem, Ladewig 2011].

⁶ Измерение зоны действия жеста в фонетических словах, а не с привлечением объективных временных параметров типа секунд и миллисекунд избавляет нас от необходимости учитывать разную скорость говорения и жестикуляции как у разных говорящих, так и у одного и того же говорящего в разных ситуациях: приведение

рис. 1 и примеры (1)–(5)) и зону жеста, включающую более одного фонетического слова (см. рис. 2 и примеры (6)–(10)).

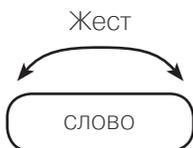

Рис. 1

- (1) Одним словом, я *рука вверх*{рванул}... и вытянул себя из болота. munhauzen_005.mp4
- (2) Я хочу *рука вперед и вверх*{швырнуть им} всем зажавшимся скотам nastrojsh_256.mp4
- (3) Ты *кивок*{станешь} сам на время бездыханным korol-olen_095.wmv
- (4) *рука и голова направо*{За ноги} хватать их? prost_veshi_028.mp4
- (5) Ты стояла *рука вниз*{у окна}... otpusk_sentabre_163.wmv

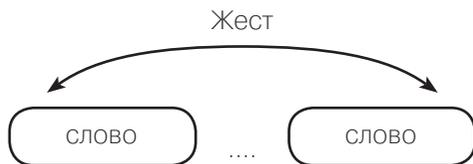

Рис. 2

- (6) Так мы с полного хода *кулак вперед налево с замахом и отскоком*⁷{и резанули в причал носом} polosat_rejs_111.mp4
- (7) *рука слева направо и вниз*{И вот он чиркнул...} gordon_aster_opasn_046.mp4
- (8) *рука к собеседнику*{Простите, Глеб Максимильяныч} kommunist_063.wmv

этих десемантизированных данных к общему знаменателю представляет собой отдельную проблему. Кроме того, поскольку жестикуляция очевидным образом ориентирована на смысл сопровождающей ее речи, обезличенные объективные временные показатели могут оказаться и вовсе бесполезными — соотношение жеста с фонетическими словами в этой ситуации выглядит гораздо более предпочтительным.

⁷ О замахе и отскоке см. ниже.

- (9) руки вверх изнутри наружу {можно сыпать именами}
 academ_basov_sredn_civiliz_022.mp4
- (10) руки в конфигурации контейнер перед говорящим {сидит не шелохнется} vasil_prekras_010.wmv

Таким образом, выравнивание жеста с одним или с последовательностью фонетических слов характеризует длительность жеста, выраженную в фонетических словах. Далее мы будем называть жест длиной в одно фонетическое слово **кратким жестом**, в несколько фонетических слов — **удлиненным**.

Замечание. Зона действия жеста может содержать 1) один глагол, 2) глагол и зависимые от глагола члены предложения, примыкающие к глаголу, 3) только зависимые от глагола элементы (см. примеры (4)–(5)). В третьем случае, следовательно, жест выровнен с зоной действия, не содержащей глагола. Как показал статистический анализ материала, в случае зоны действия, содержащей только зависимые члены, видовые различия никак в жестикуляции не проявляются, поэтому такой тип выравнивания мы просто вывели из рассмотрения. Это означает, что краткие жесты всегда выровнены только с глаголом, а удлиненные — с группой слов, одно из которых обязательно глаголом является.

2.2. Кратность жеста

Мы различаем однократные и многократные жесты. **Многократными** мы считаем:

- 1) Истинно многократные жесты, которые не могут быть в принципе осуществлены в однократном режиме, т. е. ударная часть которых не может содержать менее двух движений. Истинно многократными жестами являются, например, все типы колебательных движений (см. [Гришина 2015а]), поскольку они не могут осуществляться одним движением пальцев или руки, обязателен симметричный или асимметричный повтор движения. Истинно многократно также отрицательное качание головой.
- 2) Квантующие жесты (см. [Гришина 2015б]), т. е. жесты (обычно ручные, но изредка фиксируются и головные), прямолинейная траектория которых делится на равные отрезки (в частности, движением типа *циклоида*). Квантующим является также многократное круговое движение, которое можно рассматривать как циклоиду, не разложенную на кванты вдоль некоего вектора.
- 3) Жестикуляционный повтор, когда на одну экспозицию и ретракцию приходится более одной ударной части жеста.

Все остальные жесты считаются **однократными**.

Истинно многократные и квантуемые жесты могут быть как краткими, так и удлиненными. Жестикуляционный повтор осуществляется на протяжении одного фонетического слова, а следовательно, может быть только кратким⁸.

Иллюстрации: рис. 3, примеры (11)–(15) — однократные жесты, рис. 4, примеры (16)–(20) — многократные жесты.

Рис. 3

(11) хотим <...> «Серрапионовых братьев» кулак сверху вниз {долбануть}
my_iz_djaza_147.mp4

(12) да как две руки сверху вниз {прыгнешь} в Черное две руки сверху вниз подхват {море}⁹!
odn_letom_022.mp4

(13) Не придешь, кивок {брошу всё} и подхват {уеду} на производство.
penkovo_019.wmv

(14) то рука вниз с отскоком {хватать их за руки} за ноги timur_komanda_109.wmv

(15) вам нужно рука вниз налево {больше} ходить liubovn_041.wmv

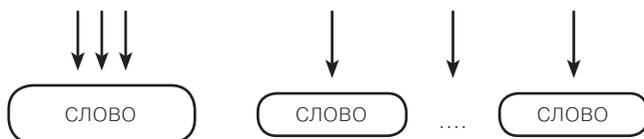

Рис. 4

(16) когда со Стенькой купца множественные движения головы из стороны в сторону {грабанули}
на Волге sluga_098.mp4

(17) поэтому два электрона со сверхбольшими скоростями можно снаружи в центр
дважды {стукнуть}... gordon_mir_vacuum_061.mp4

⁸ Жестикуляционные повторы, которые захватывают зону длительностью более одного фонетического слова, представляют собой либо жестикуляционное скандирование, либо фатическую многократность (см. [Гришина 2014]). Жесты этих типов не показывают никакой связи с видовыми противопоставлениями и поэтому в статье не рассматриваются.

⁹ На словоформе *море* мы имеем дело с подхватом (catchment) предыдущего жеста на *прыгнешь* (о явлении подхвата см. [McNeill et al. 2001]).

- (18) оставила ей две штуки, попросила ^{неоднократное круговое движение указательным пальцем}{реализовать} interdevoch_375.wmv
- (19) а ^{хлопки в ладоши}{ему все хлопают} zigzag_udachi_098.wmv
- (20) вы должны ^{многократные круговые движения открытой ладонью}{менять свой облик} pokrovskie_vorota_265.wmv

2.3. Конфигурация ладони

Как показал анализ материала, существенным для различения видов оказалось противопоставление всего двух конфигураций ладони — кулак (см. примеры (6), (11)) и *открытая ладонь*.

2.4. Энергетика движения

Обращает на себя внимание параметр, который мы не привлекали к анализу ранее и который, как оказалось, имеет некоторое отношение к видовому противопоставлению. Условно-предварительно его можно назвать *энергетикой движения*. Выражается этот параметр двумя способами.

2.4.1. Замах

На стадии экспозиции ладонь занимает максимально периферийное положение, т. е. отводится говорящим на максимально отдаленное, но при этом все еще комфортное для жестикулирующего положение относительно центральной зоны жестикуляции. Тем самым рука на стадии экспозиции как бы заявляет максимальную **потенциальную энергию** (во вполне физическом значении этого термина), которую говорящий готов вложить в осуществляемый жест на ударной стадии (см. рис. 5).

Рис. 5

Замах характерен в основном для движения рук, но встречается также при исполнении жестов головы, прежде всего, — вертикального кивка сверху вниз: кивок с замахом характеризуется максимальным отведением головы назад и вверх на стадии экспозиции, с последующим энергичным движением вниз на ударной стадии, ср. пример (21):

(21) Очень боюсь, что когда-нибудь они ^{кивок}{лопнут} [pehki-lavoch_071.mp4](#)

2.4.2. Отскок

После ударной стадии, на стадии ретракции ладонь возвращается несколько назад под некоторым углом к пройденной траектории (рука сгибается в локте), тем самым имитируя отскок некоторого предмета после сильного удара по поверхности (рис. 6).

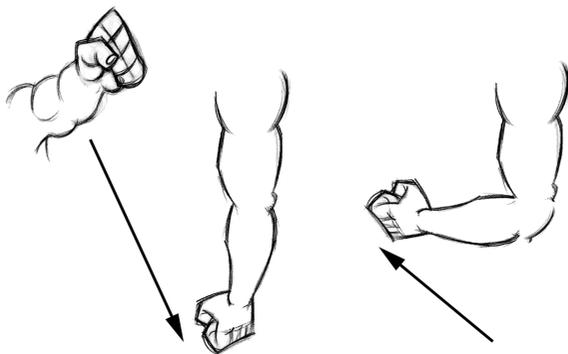

Рис. 6

Замах и отскок могут быть одновременно использованы при исполнении жеста, см. пример (6), а также:

(22) подкарауливать империалистов и ^{замах}{топить их} ^{подхват, замах и отскок}{как котят},
вот. [drug_kolka_354_05.wmv](#)

Замечание. Ранее, при обсуждении траекторий движения руки по поперечной оси, мы уже описывали такую траекторию, как радикальное пересечение, — движение на ударной стадии левой руки из крайней правой периферии налево или правой руки из крайней левой периферии направо. Эта траектория задает максимальное расстояние, которое рука может произвести на ударной стадии жеста. Радикальное пересечение характерно для жеста *ручное отрицание*, для изображения линий и поверхностей, но также оно с повышенной частотой сопровождает приставки, характеризующиеся повышенной

энергетикой (*вы-, от-, у-*) (см. [Гришина 2013]). Но если радикальное пересечение передает метафору высокой энергетики опосредованно, через идею максимального расстояния, преодоленного жестикулирующей рукой, то такие характеристики жеста, как *кулак*, *замах* и *отскок*, передают идею энергии непосредственно.

3. Статистические данные

Приведем несколько таблиц, которые показывают влияние перечисленных выше факторов на противопоставление СВ и НСВ¹⁰.

Таблица 1. Виды глагола и длительность жеста¹¹

Вид	Длительность жеста	Краткий жест	Удлиненный жест
СВ		441	84
НСВ		504	255
$\chi^2 = 49,45$, $p = 2,03-12$, параметры связаны, распределения достоверны			

Таблица 2. Виды глагола и кратность жеста

Вид	Кратность жеста	Множественный	Однократный
СВ		24	476
НСВ		73	614
$\chi^2 = 13,09$, $p = 0,0003$, параметры связаны, распределения достоверны			

Таблица 3. Виды глагола и конфигурация ладони

Вид	Конфигурация ладони	Кулак	Открытая ладонь
СВ		65	160
НСВ		61	387
$\chi^2 = 22,96$, $p = 1,65-06$, параметры связаны, распределения достоверны			

¹⁰ В таблицах полужирным шрифтом и затемнением ячейки обозначены данные, которые существенно выше средних распределений, подчеркнутым курсивом — те данные, которые существенно меньше средних.

¹¹ В таблицу не включены данные по контекстам, включающим в себя жестикуляционное скандирование.

Таблица 4. Виды глагола и энергетика движения

Вид \ Тип движения	Замах и/или отскок	Стандартное движение
СВ	28	40
НСВ	532	835
$\chi^2 = 0,14$, $p = 0,71$, параметры не связаны, распределения недостоверны		

Итак, мы видим, что для различения в **общем** СВ и НСВ рабочими оказываются только три параметра — длительность, кратность и энергетика жеста, конфигурация ладони значения не имеет. При этом значения параметров распределены между видами так, как показано в табл. 5.

Таблица 5

Параметр \ Вид	СВ	НСВ
Длительность	краткий	удлиненный
Кратность	не многократный	многократный
Энергетика	жест с повышенной энергетикой	стандартный жест

Для дальнейшего анализа следует произвести более детальное разделение внутри групп СВ- и НСВ-глаголов. В группе СВ-глаголов будем различать отдельно глаголы на *ну-*, глаголы на *ану-*, *семельфактивы* как группу глаголов с суффиксом (*а*)*ну-* и *бесприставочные* СВ-глаголы. В группе НСВ-глаголов будем различать *мультипликативы* (формальный признак — способность образовывать *семельфактивы*, *кидать* — *кинуть*, *чесать* — *чесануть*) и *континуативы*, или обозначения непрерывных процессов (формальный признак — неспособность к образованию глаголов с суффиксами (*а*)*ну-*, *бросать*, *думать*, *ходить*).

Проверим работу предложенных параметров на этих группах.

Таблица 6. Глаголы и длительность жеста

Вид \ Длительность жеста	Краткий жест	Удлиненный жест
<i>семельфактивы</i>	388	61
НСВ	504	255
СВ <i>бесприставочный</i>	53	23
$\chi^2 = 49,45$, $p = 2,03-12$, параметры связаны, распределения достоверны		

Внутри группы *семельфактивы* данный параметр незначим, т. е. не различает глаголы на *ну-* и *ану-*. Аналогичным образом, этот параметр незначим внутри группы НСВ, т. е. не различает *мультипликативы* и *континуативы* (данные не приводим в целях экономии места).

Таблица 7. Глаголы и кратность жеста

Вид \ Кратность жеста	Множественный жест	Однократный жест
глаголы с суффиксом <i>ану-</i>	3	31
глаголы с суффиксом <i>ну-</i>	20	374
СВ беспривагочный	1	71
$\chi^2 = 3,1, p = 0,21$, параметры не связаны, распределения недостоворны		
Вид \ Кратность жеста	Множественный жест	Однократный жест
мультипликативы	45	142
континуативы	28	472
$\chi^2 = 48,9, p = 2,75-12$, параметры связаны, распределения достоворны		

Как видим, этот параметр незначим внутри группы СВ и при этом очень неплохо различает мультипликативы и континуативы в группе НСВ.

Таблица 8. Глаголы и конфигурация ладони

Вид \ Конфигурация ладони	Кулак	Открытая ладонь
глаголы с суффиксом <i>ану-</i>	10	7
глаголы с суффиксом <i>ну-</i>	50	114
СВ беспривагочный	5	39
$\chi^2 = 14,2, p = 0,0008$, параметры связаны, распределения достоворны		
Вид \ Конфигурация ладони	Кулак	Открытая ладонь
мультипликативы	17	90
континуативы	44	297
$\chi^2 = 0,62, p = 0,43$, параметры не связаны, распределения недостоворны		

Параметр *конфигурация ладони* различает глаголы с суффиксом *ану-* и беспривагочные СВ. Внутри группы НСВ данный параметр незначим.

Таблица 9. Глаголы и энергетика движения

Вид \ Тип движения	Замах и/или отскок	Стандартное движение
глаголы с суффиксом <i>ану-</i>	8	28
глаголы с суффиксом <i>ну-</i>	18	425
СВ беспривагочный	2	79
$\chi^2 = 24,4, p = 5,05-06$, параметры связаны, распределения достоворны		

Вид \ Тип движения	Замах и/или отскок	Стандартное движение
мультипликативы	9	209
континуативы	31	626
$\chi^2 = 0,13$, $p = 0,72$, параметры не связаны, распределения недостоверны		

Для группы НСВ данный параметр незначим, в группе СВ-глаголов он противопоставляет глаголы с суффиксом *ану-* всем остальным СВ-глаголам, для которых этот параметр незначим.

Подытожим сказанное в табл. 10.

Таблица 10

Группа глаголов \ Параметр	Длительность жеста	Кратность жеста	Конфигурация ладони	Энергетика
глаголы с суффиксом <i>ану-</i>	краткий		<i>кулак</i>	<i>замах/отскок</i>
глаголы с суффиксом <i>ну-</i>				
СВ бесприставочный			<i>открытая ладонь</i>	
мультипликативы	удлиненный	многократный		
континуативы		не многократный		

4. Возможные интерпретации

4.1. СВ vs. НСВ

Итак, первое, что мы видим из табл. 5, 10: в русской жестикуляции СВ противопоставлен НСВ как вид, обозначающий краткое (в пределе — нульмерное, мгновенное) событие или сверхкраткий процесс (*свертки*, по [Плунгян 2000]), — виду, обозначающему длительные, продолженные события или процессы. При это в зоне бесприставочных глаголов за краткость отвечают суффиксы (*ану-*): бесприставочные и бессуффиксальные СВ-глаголы, как мы видим из табл. 10, занимают промежуточное положение между семейфактивами и НСВ-глаголами: для них в жестикуляционном плане параметр длительности несуществен, и тем самым глаголы типа *бросить*, *решить*, *дать*, *стать* в жестикуляции позиционируют себя не как мгновенные события или очень короткие

процессы, а как **завершенные** события/процессы¹². Таким образом, в русской жестикуляции противопоставление СВ- и НСВ-глаголов хорошо иллюстрирует мысль, высказанную в [Плунгян 2000: 214]: «в русском языке видовая оппозиция вообще в значительно большей степени ориентирована на *длительность* ситуаций (длящиеся vs. мгновенные или краткие <...>), чем на ограниченность ситуаций временными рамками (как это свойственно, например, романским и германским языкам)». С этой точки зрения, конечно, было бы в высшей степени любопытно проанализировать, в какой степени параметр длительности в жестикуляции характерен для романских и германских языков.

4.2. Группа НСВ-глаголов

Как показывает табл. 2 и 7, параметр многократности важен для различения СВ- и НСВ-глаголов — СВ-глаголы сопровождаются преимущественно однократными жестами, а НСВ-глаголы — многократными. Содержательно интерпретировать этот факт позволяют данные в табл. 7. Мы видим, что для различения разных групп СВ-глаголов признак кратности несуществен, но он хорошо различает НСВ мультипликативы и континуативы. Тем самым, можно предположить, что разные виды многократных жестов (истинно многократные, квантующие, жестикуляционные повторы) с помощью повторяемых движений передают образ **гранулированных** мультипликативов (если пользоваться метафорами, предложенными в работах [Janda 2004, 2007, 2008]) в их противопоставлении **жидкостям** непрерывных процессов. В этой связи интересно вспомнить, что мультипликативы в ряде языков маркируются редупликацией (см. об этом [Плунгян, Рахилина 2007: 746] со ссылкой на [Плунгян 1989]); хорошо известный пример такой редупликации — др.-греч. *κυκλῶς* «колесо», в котором редупликации отражает итеративный процесс вращения колеса.

Таким образом, мы видим, что посредством многократности жеста в русской жестикуляции отражается факт, пронизательно отмеченный в [Падучева 1994: 29]: «Если у глагола НСВ нет парного семельфактива, то нет и ощущения многоактности»: жестикуляция, как физическое отражение когнитивных

¹² В связи с этим любопытно различие между глаголами *кинуть* и *бросить* (*бросить* мяч, но [?]*кинуть* мяч): *кинуть* акцентирует начальный этап броска и пренебрегает его целью, *бросить* акцентирует не только начальную, но и конечную точку действия, а следовательно, для *бросить* становится актуальной и цель броска. Таким образом, в отличие от [László 2008], мы не считаем, что «глагол *бросить* (мяч, камень) в плане моментальности не отличается от синонимичных глаголов *кинуть* и *швырнуть*, в которых имеется суффикс *-ну-*»: для *кинуть*, *швырнуть* важно указание на моментальный характер действия, вне зависимости от того, завершилось ли это действие или осталось незавершенным, в то время как для *бросить* важно, что моментальное событие броска привело к завершению этого процесса (что в данном конкретном случае осмысливается как ответ на вопрос — была ли цель у данного броска, достижение которой можно было бы считать актом завершения данного действия, или цели не было, вернее, цель была только в том, чтобы кинуть или швырнуть, а не в том, чтобы мяч достиг задуманной конечной точки движения).

процессов, лежащих в основе данного высказывания, отражает **потенциальную** возможность для данного глагола образовать семельфактив, хотя самого семельфактива в порождаемом высказывании нет.

Что касается группы СВ-глаголов, то они, будучи — в разной степени — мгновенными, нульмерными, точечными, краткими, не предполагают внутри себя дальнейшего расчленения на более мелкие элементы или кванты, как следствие, идея повтора и противопоставление однократных и многократных жестов для них попросту неактуальна.

4.3. Группа СВ-глаголов

Что касается СВ-глаголов, то, по нашим данным, внутри этой группы глаголы на *ану-* противопоставлены остальным беспривставочным СВ-глаголам, в т. ч. и глаголам на *ну-* (и тут мы должны не согласиться с [Плунгян 2000: 217], где автор, в отличие от А. В. Исаченко и И. С. Улуханова, не «усматривает семантического различия между *ну-* и *ану-* по степени интенсивности»): жестикуляционные данные, а именно отчетливое тяготение жестикуляции, сопровождающей глаголы на *ану-*, к таким жестикуляционным событиям, как конфигурация кулак и движение типа *замах/отскок*, отчетливо демонстрирует, что с когнитивной точки зрения глаголы на *ану-* тесно связаны с идеей интенсивности, усилия, повышенной энергетике, которые передаются именно этими жестикуляционными компонентами.

Ситуация несколько напоминает ситуацию с русскими кванторами общности *весь* и *все*, которые — с лингвистической точки зрения — вполне можно считать одним и тем же словом (что исторически является абсолютной истиной). Однако в современном употреблении когнитивная картина мира, лежащая за этими словами и мотивирующая употребление сопровождающей жестикуляции, показывает, что для говорящего это, безусловно, разные слова (см. подробнее [Гришина 2015б]).

Действительно, согласно работе [Kuznetsova, Makarova 2012: 155], выбор между *ану-* и *ну-* в значительной степени (т. е. не абсолютно, а статистически) зависит от структуры основы — глаголы на *ану-* предпочитают односложную основу (*тормознуть* vs. **тормозануть*), т. е. выбор осуществляется под влиянием не семантических, а достаточно технических — в первую очередь, по-видимому, акцентологических — факторов (проблема требует специального исследования и аккуратного описания, здесь мы можем лишь упомянуть о ней). Ожидать в этом случае отражения различия между этими глаголами в жестикуляции довольно бессмысленно, поскольку морфонология и акцентология имеют весьма опосредованное отношение к когнитивным процессам, а следовательно, и к жестикуляции.

И тем не менее, на жестикуляционном уровне мы это различие наблюдаем.

Таким образом, согласно жестикуляционным данным, в глаголах с суффиксом *ану-* мы имеем дело с единственным, судя по всему, случаем выражения оценки с помощью глагольного суффикса. Структура значения в этом случае,

очевидно, имеет двухуровневый характер, как и в существительных с оценочными суффиксами, например, *ищ(е)*. Можно сравнить: *кусище* ‘кусочек, который говорящий оценивает как большой’, *кусануть* ‘совершить одноактный акт кусания, либо приложив повышенные, с точки зрения говорящего, усилия, либо откусив слишком большой, с точки зрения говорящего, кусок’ (при этом *куснуть* будет, очевидно, означать всего лишь ‘совершить одноактный акт кусания’). Именно этим, по-видимому, объясняются следующие факты.

- 1) Глаголы с *ану-*, в отличие от глаголов с *ну-*, как было отмечено в работе [Макарова 2009: 19], не сочетаются с приставками: *хлепать* — *хлебануть* — **отхлебануть* vs. *хлепать* — *хлебнуть* — *отхлебнуть*. Приставки аспектуализируют процесс или событие, обозначаемые диктальной частью значения глагольной основы. Если же значение глагольной основы включает в себя, помимо диктальной, прагматическую (оценочную) зону, то аспектуализация последней представляется невозможной, соответственно, невозможной оказывается и аспектуализация такой глагольной основы как семантического целого.
- 2) Глаголы с *ану-* иногда довольно легко образуются от НСВ-глаголов, которые не образуют глаголов на *ну-*, например, *резать* — *резануть*, но не **резнуть* (разумеется, такие образования, как *резануть*, относятся к периферийной зоне литературного языка, но, тем не менее, показателен сама возможность образования и однозначного понимания таких окказионализмов носителями русского языка). В случае **резнуть* мы сталкиваемся со стандартной ситуацией, когда исходный континуатив *резать* не может быть естественным образом разделен на минимальные порции или кванты¹³. Возможность же образования глагола *резануть* определяется тем, что в нем краткость ситуации переосмысливается как ее **однократность** (действие ‘резать’ осуществляется в один прием), а оценочная часть значения фиксирует, что данное однократное действие произведено субъектом с повышенной интенсивностью. Аналогично — *грабить/грабануть/*грабнуть*, *долбать/долбануть/*долбнуть*, *мешать* ‘перемешивать’/ *мешануть/*мешнуть*, *трусить* ‘бояться’/ *трусануть/*труснуть*, *цеплять/цепануть/*цепнуть*, *чесать/чесануть/чеснуть*).
- 3) Глаголы на *ану-* с трудом образуются от исходных НСВ-глаголов, если у последних в составе значения уже есть элемент ‘сильно’ (*топать/*топануть/топнуть*): в этом случае семантический компонент ‘интенсивность’ уже входит в диктальную зону значения, что делает в принципе избыточной дополнительную прагматическую зону.

¹³ «В аспектологии же хорошо известно, что полноценная мультипликативная интерпретация существует только у обозначений таких ситуаций, единичный “квант” которых обладает достаточной прагматической значимостью для того, чтобы иметь в языке самостоятельное лексическое выражение» [Плунгян, Рахилина 2007: 746, со ссылкой на работы Е. В. Падучевой и В. С. Храковского].

- 4) Глаголы с *ану-* с трудом образуются от НСВ-глаголов, у которых в составе значения есть компонент 'слабо, мало': *лизать*/**лизануть*/**лизнуть*, *кивать*/**кивануть*/**кивнуть*, *икать*/**икануть*/**икнуть*, *мелькать*/**мелькануть*/**мелькнуть*, *мигать*/**мигануть*/**мигнуть*, *моргать*/**моргануть*/**моргнуть*, *порхать*/**порхануть*/**порхнуть*, *трогать*/**трогануть*/**тронуть*, *тыкать (пальцем)*/**тыкануть*/**тыкнуть* или *ткнуть*, *фыркать*/**фыркануть*/**фыркнуть*. И это естественно, поскольку в этом случае прагматическая зона значения ('говорящий считает, что действие было произведено с интенсивностью выше нормы') противоречит семантическому компоненту 'действие производится с интенсивностью ниже нормы'.

5. Заключение

Итак, можно подытожить, что русская жестикуляционная система имеет ряд способов отразить видовые значения в русском языке. При этом использование этих способов в значительной степени асимметрично.

Параметр многократности 1) не работает внутри группы СВ-глаголов (т. е. не различает моментальные глаголы на *ану-* и *ну-* и бесприваочные СВ-глаголы); 2) прекрасно работает в группе НСВ, различая мультипликативы, т. е. длительные потенциально членимые действия, и континуативы, т. н. длительные нечленимые действия; 3) поскольку этот параметр хорошо выражен в группе НСВ-глаголов и вовсе не выражен в группе СВ глаголов, то именно поэтому он различает СВ- и НСВ-глаголы, т. е. действие этого параметра на уровне различения видов — производно и зависит от различения разных типов НСВ глаголов.

Параметр энергетики, наоборот, 1) не работает внутри группы НСВ-глаголов, т. е. не различает мультипликативы и континуативы; 2) хорошо работает внутри СВ группы, различая интенсивные моментальные глаголы на *-ану-* и просто моментальные глаголы на *-ну-*; 3) и именно потому, что этот параметр хорошо работает в группе СВ и совсем не работает в группе НСВ, он и различает видовые пары СВ- и НСВ-глаголов, т. е. опять же, на уровне противопоставления видов он имеет вторичное значение.

Параметр длительности 1) не работает внутри группы СВ-глаголов; 2) не работает внутри группы НСВ-глаголов; 3) работает **только** в противопоставлении СВ- и НСВ-глаголов.

Из сказанного следует, что в русской жестикуляции только параметр длительности жеста передает именно **видовое** противопоставление СВ-НСВ, а не семантические особенности разных НСВ- и СВ-глаголов.

Добавим в завершение. Если принять, что разные жестикуляционные компоненты и параметры занимают разное место в системе русской жестикуляции, например, конфигурация ладони, направление движения руки или головы, траектория движения расположены ближе к **центру жестикуляционной системы** (т. е., с одной стороны, отражают существенные для понимания

высказывания семантические и прагматические компоненты, а с другой, — легко воспринимаются и опознаются слушающим), а длительность жеста, его кратность, исполнение одной или двумя руками, «ручность», т. е. выбор между правой и левой рукой, степень напряжения руки и энергетика жеста, — ближе к **периферии** жестикуляционной системы, то придется признать, что видовые противопоставления являются периферийными для русской жестикуляции. В этой связи было бы в высшей степени полезным и любопытным сравнить наши данные с аналогичными данными для других языков, а также проанализировать, уже полностью отвлекшись от чисто видовых противопоставлений, жестикуляционное отражение таксономической системы русских глаголов. Но это — предмет отдельного, довольно большого и трудоемкого исследования, имея в виду, к тому же, что на результаты будут оказывать влияние не только жестикуляционный профиль русского вида, но и жестикуляционные профили приставок и корней.

Литература

1. *Bressem, Ladewig 2011* — Bressem J., Ladewig S. H. Rethinking gesture phases: Articulatory features of gestural movement? // *Semiotica*. № 184. 2011. P. 53–91.
2. *Croft 2012* — Croft, W. (2012). *Verbs: Aspect and causal structure*. Oxford University Press.
3. *Janda, Laura A.* (2004) A metaphor in search of a source domain: the categories of Slavic aspect. *Cognitive Linguistics* 15(4), pp. 471–527.
4. *Janda, Laura A.* (2007) Aspectual clusters of Russian verbs. *Studies in Language* 31(3), pp. 607–648.
5. *Janda, Laura A.* (2008) Semantic Motivations for Aspectual Clusters of Russian Verbs. In Christina Y. Bethin (ed.), *American Contributions to the 14th International Congress of Slavists, Ohrid, September 2008*. Bloomington: Slavica Publishers, pp. 181–196.
6. *Kendon 1972* — Kendon A. Some relationships between body motion and speech // A. Siegman, B. Pope *Studies in dyadic communication* New York, 1972. P. 177–210.
7. *Kendon 1980* — Kendon A. Gesticulation and speech: Two aspects of the process of utterance // M. R. Key *The relation between verbal and nonverbal communication* The Hague, 1980. P. 207–227.
8. *Kita et al. 1998* — Kita S., Van Gijn I., Van der Hulst H. Movement phases in signs and co-speech gestures, and their transcription by human coders // *Gesture and sign language in human-computer interaction* Berlin Heidelberg, 1998. P.23–35.
9. *Kuznetsova, Makarova 2012* — Julia Kuznetsova and Anastasia Makarova. distribution of two semelfactives in russian: -nu- and -anu- // A. Grønn & A. Pazel'skaya (eds.) *The Russian Verb, Oslo Studies in Language* 4(1), 2012. 155–176.
10. *László 2008* — Jászay László. Концепт моментальности в системе русского глагола. *Slavica Szegediensia* VI. Szeged, 2007–2008 (88–96).
11. *Makarova 2009* — А. Макарова. Психолингвистические данные об алломорфии в русских семельфактивах, Tromsø, 2009.

12. *McNeill et al. 2001* — McNeill et al. 2001 — McNeill D., Quek F., McCullough K.-E., Duncan S., Furuyama N., Bryll R., Ma X.-F., Ansari R. Catchments, Prosody, and Discourse // *Gesture*. V. 1. № 1. 2001. P. 9–33.
13. *Гришина 2013* — Гришина Е. А. Жестикуляционные профили русских приставок // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»* (Бекасово, 29 мая — 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19). — М.: Изд-во РГГУ, 2013, с. 255–271.
14. *Гришина 2014* — Гришина Е. А. Жесты и прагматические компоненты высказывания // *Мультимодальная коммуникация: теоретические и эмпирические исследования*. Под ред. О. В. Федоровой и А. А. Кибрика. М., «Буки Веди», 2014, с. 25–47.
15. *Гришина 2015a* — Гришина Е. А. Круги и колебания: семантика сложных траекторий в русской жестикуляции // *Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика* / Сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев; ред. А. А. Кибрик и др. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 848 с., илл. — (Вклейка после с. 368.) — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning). с. 238–286.
16. *Гришина 2015б* — Гришина Е. А. Кванторные слова, жестикуляция и точка зрения // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*. Вып. 14. 2015. С. 181–198.
17. *Падучева 1994* — Е. В. Падучева. Таксономические категории глагола и семантика видового противопоставления. Семиотика и информатика, вып. 34, М., 1994, с. 7–31.
18. *Плунгян 2000* — В. А. Плунгян. 'Быстро' в грамматике русского и других языков // Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин (ред.), Слово в тексте и в словаре: Сб. статей к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: ЯРК, 2000, 212–223.
19. *Плунгян В. А.* Выражение множественности ситуаций в чамалинском языке // Храковский В. С. (ред.). Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989. С. 79–87.
20. *Плунгян, Рахилина 2007* — В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. К типологии глаголов 'летать' и 'прыгать' // Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Индрик, 2007, 739–748.
21. *Янда 2015* — Янда, Л. А. (2015). Аспектуальные типы русского глагола: пересматривая типологию Крофта. // *Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика* / Сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев; ред. А. А. Кибрик и др. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 848 с., илл. — (Вклейка после с. 368.) — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning). 213–237.